

А. Д. Попов

МЕМОРИАЛЬНОЕ СООРУЖЕНИЕ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ПАМЯТИ: КОМПЛЕКСНЫЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ*

doi: 10.30759/1728-9718-2024-3(84)-98-106

УДК 930.2 ББК 63.2

В статье предлагается авторская модель анализа мемориальных сооружений как специфичных, но очень важных для *memory studies* источников. С одной стороны, сами мемориалы являются вещественными, изобразительными, нарративными, иногда аудиальными источниками, а наблюдение за взаимодействием с ними дает также этнографическую (социально-антропологическую) информацию. Однако это лишь вершина айсберга, поскольку анализ процесса создания и функционирования мемориального сооружения в сравнении с другими памятниками на основе широкого спектра традиционных источников намного более существенно расширяет наши представления о динамике развития коллективной памяти, официальной политике памяти и мемориальной культуры. Поэтому необходимо комплексное исследование мемориалов с учетом их морфологии (расположение, структура, форма, размер, архитектурно-символическое, нарративное, аудиальное наполнение), «биографии» (основные этапы создания и функционирования) и «генеалогии» (зависимость от исторических, коммеморативных, творческих тенденций, а также взаимосвязь с другими мемориалами через деятельность различных акторов). Эксплицитное отнесение мемориалов к вещественным источникам в классификациях М. Н. Тихомирова, Л. Н. Пушкарева, И. Д. Ковальченко и С. О. Шмидта упрощает реальность и может приводить к значительному снижению эвристического потенциала их изучения. Дискуссионным является и отнесение мемориалов к визуальным источникам И. М. Савельевой и А. В. Полетаевым. По мнению автора статьи, сложность и многомерность мемориальных сооружений как объекта изучения ставит вопрос выделения их в отдельный классификационный тип исторических источников.

Ключевые слова: коллективная память, политика памяти, коммеморация, мемориальный конфликт, монументальное искусство, памятник, исторический источник

Введение

На рубеже XX–XXI вв. значительно возрос интерес представителей социально-гуманитарных наук к проблематике коллективной памяти, что дало основание говорить о «мемориальном повороте» в изучении прошлого (по аналогии с лингвистическим, визуальным, антропологическим поворотами). Российская гуманитаристика, включая историческую науку, также не осталась в стороне от этой глобальной тенденции.¹ На протяжении последних двух десятилетий увидели свет тысячи русскоязычных работ, посвященных коллективной (исторической, культурной, социальной) па-

мяти, мемориальной политике, а также различным коммеморативным практикам.²

Основные попытки концептуализации в изучении данного направления чаще всего базируются на теоретико-методологических построениях классиков западных *memory studies* (А. Ассман, Я. Ассман, П. Нора, Дж. Олик, М. Хальбвакс, М. Хирш, Э. Хобсбаум), основные работы которых уже переведены на русский язык. Признавая важность интерпретации и использования популярных концептуальных понятий западных авторов (например, «культурная память», «место памяти», «постпамять», «изобретение традиций») для анализа отечественных мемориальных процессов, следует констатировать практически полное отсутствие специальных исследований, посвященных теоретическим аспектам работы с конкретными типами и группами источников, используемых для изучения социальных представлений

¹ Подробнее см.: Леонтьева О. Б. «Мемориальный поворот» в современной российской исторической науке // Диалог со временем. 2015. Вып. 50. С. 59–96.

Попов Алексей Дмитриевич — к.и.н., доцент кафедры истории России, Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского (г. Симферополь)
E-mail: popalex79@mail.ru

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 23-28-00812 «Бои за прошлое в эпоху перемен: мемориальные конфликты «оттепели» и «перестройки»» (рук. А. Д. Попов)

² Библиография научных работ на данную тему наиболее полно представлена авторами проекта «Карта памяти российского общества. Исследования в области Memory studies» (Е. А. Ростовцев, М. А. Шибяев, Д. В. Боднарчук, И. П. Потехина, Д. А. Сосницкий, В. В. Андреева, Д. О. Раковский). URL: <https://historymap.spbu.ru/site/historiography> (дата обращения: 25.12.2023).

о прошлом. Между тем типология таких источников весьма разнообразна, а эвристические подходы к работе с ними могут существенно различаться. В масштабной библиографической базе «Карта памяти современного российского общества» отдельными разделами выделены публикации, основанные на преобладании при их подготовке таких источников по истории памяти, как кинематографические произведения, учебная литература, художественная литература, публицистика и мемуары, периодическая печать и традиционные медиа, реклама, анекдоты, сетевые ресурсы и новые медиа, календари, монументальная скульптура и мемориальные доски, коммеморации (ритуалы), награды и медали, музеи и выставки, живопись, музыка, социологические опросы.³

Эксплицитное, лежащее на поверхности отнесение мемориальных сооружений к вещественным источникам в известных классификациях М. Н. Тихомирова, Л. Н. Пушкарева, И. Д. Ковальченко и С. О. Шмидта⁴ сильно упрощает реальность и может приводить к значительному снижению эвристического потенциала их использования в *memory studies*. Дискуссионным является и отнесение мемориалов к визуальным источникам, предложенное И. М. Савельевой и А. В. Полетаевым.⁵ В целом из имеющихся классификаций отечественных авторов для понимания источниковой специфики мемориального сооружения наиболее удачной является циклическая система деления источников Л. Н. Пушкарева, в которой подчеркивается близость вещественных, изобразительно-вещественных и эпиграфических источников.⁶ В данной статье будет предпринята попытка охарактеризовать мемориальные сооружения как комплексный и, по нашему мнению, самый сложный для анализа источник исследований памяти, возможно, требующий выделения в отдельный классификационный тип. Специфика работы исследователя с мемориальными сооружениями заключается в том, что они синтетически сочетают в себе вещественные, визуальные (изобразительные), текстовые (нарративные), а иногда даже аудиальные компоненты, вокруг которых в процессуальном отношении также возникают различные практики и ритуа-

лы, классифицируемые как этнографические (по Л. Н. Пушкареву) или поведенческие (по С. О. Шмидту) источники.

Морфология мемориального сооружения: основные элементы

Изучение мемориальных сооружений невозможно без рассмотрения их базовых морфологических характеристик — структуры и формы, художественно-символического и нарративного содержания. Но первым, на что следует обращать внимание, является их расположение. Часто размещение мемориалов обусловлено исторической логикой: их создают на местах, связанных с биографией увековеченных персоналий, или там, где непосредственно происходили исторические события, проводились захоронения погибших. Однако также следует учитывать привязки к природному и архитектурно-градостроительному ландшафтам. Традиционно обелиски, а затем и скульптурные памятники выдающимся историческим деятелям размещали на центральных площадях или на естественных возвышенностях, а триумфальные арки — на въездах в город. Согласно принятым в феврале 1944 г. «Наставлениям по учету личного состава Красной Армии (в военное время)», при захоронении погибших красноармейцев следовало выбирать «лучшие места»: площади, парки, скверы, а за пределами населенных пунктов — курганы, перекрестки дорог. Поскольку в послевоенный период сооружаемые мемориалы активно использовались для проведения коммеморативных, политико-идеологических и воспитательных ритуалов, туристско-экскурсионных и даже рекреационно-досуговых мероприятий,⁷ то при планировании их размещения учитывались транспортная доступность и способность одновременно разместить значительное количество посетителей.

В структурном отношении можно говорить о моноформатных (отдельно стоящее надгробие, обелиск, бюст, скульптура на постаменте) и полиформатных объектах — начиная от простого совмещения двух элементов (obeliska и скульптуры, стелы и стены-барельефа) в одной композиции и заканчивая масштабными мемориальными комплексами, памятниками

³ См.: Там же.

⁴ См.: Русина Ю. А. Методология источниковедения: учеб. пособие. Екатеринбург, 2015. С. 168, 177–189.

⁵ См.: Савельева И. М., Полетаев А. В. Теория исторического знания: учеб. пособие. СПб., 2007. С. 461–465.

⁶ См.: Русина Ю. А. Указ. соч. С. 178.

⁷ См.: Попов А. Д., Романько О. В. Памятники Великой Отечественной войны в поздний советский период: многообразии социальных функций и практик // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 2 (179). С. 55–62.

ансамблями, музеями-заповедниками. Для моноформатных объектов важной характеристикой является их высота, для полиформатных — занимаемая ими площадь, общее количество элементов и их соотношение между собой.

Классическими архитектурными формами мемориальных сооружений являются пирамиды, мавзолеи, обелиски, стелы, триумфальные колонны и арки, монументальные скульптурные композиции (одионочные, парные, многофигурные), стены-барельефы, мемориализованные руины и др. Эти формы настолько закрепились в монументальном строительстве, что могут даже устанавливаться юридически. Например, в утвержденном 8 мая 1965 г. Президиумом Верховного Совета СССР «Положении о почетном звании «город-герой»» специально оговаривалось, что в таких городах «устанавливается обелиск с изображением ордена Ленина, медали «Золотая Звезда» и текстом Указа Президиума Верховного Совета СССР».⁸

После окончания Великой Отечественной войны в качестве мемориальных объектов для достижения максимальной выразительности могли использоваться сохранившиеся руины зданий и сооружений (например, в Брестской крепости, Волгограде, Новороссийске, Смоленске).⁹ Различные аутентичные образцы вооружений и военной техники — от пулеметов и артиллерийских орудий до танков, самолетов и бронепоездов — могут либо представлять собой самостоятельные мемориальные объекты, либо являться отдельными элементами полиформатных памятников.

Самой распространенной, выразительной, смыслообразующей архитектурной формой мемориалов традиционно являются антропоморфные скульптуры. Они могут быть персонализированными и обезличенными, реалистичными и абстрактными, однофигурными и многофигурными, статичными и динамичными, изготавливаться из разных материалов, отличающихся по стоимости и долговечности. Образы воинов в соответствующей их эпохе экипировке несут одинарный символический смысл, представляющий определенную категорию участников исторических событий. Если же, например, красноармеец изображается со средневековым щитом или мечом, то символический смысл удваивается, поскольку дополни-

тельно включается воспринимаемый на уровне архетипа образ богатыря-защитника. Архетипичными являются и такие распространенные в монументальной скульптуре женские образы, как Ника-Победа, Родина-мать, Скорбящая мать.

Совмещение нескольких фигур является еще одним распространенным способом усложнения символического смысла антропоморфных скульптурных композиций. Размеры, положение и позы почти всегда позволяют на невербальном уровне определить символическое соотношение их значимости в представлении автора памятника. Даже если фигуры расположены на одном уровне и имеют одинаковую высоту, то доминирующий персонаж находится по центру при фронтальном взгляде на памятник. В отечественных многофигурных памятниках герой-воин практически всегда композиционно более значим, чем «героический помощник» (партизан, подпольщик, медсестра, труженик тыла) или жертва (военнопленный, женщина, ребенок). Есть и такие многофигурные композиции, где скульптуры расставляются по принципу пантеона на нескольких уровнях в зависимости от степени приписываемой им значимости. Такой прием характерен для крупных памятников второй половины XIX — начала XX в. (монумент «Тысячелетие России», памятники Екатерине II в Краснодаре, Одессе, Симферополе).

Язык символических средств мемориальных сооружений дополняют многочисленные неантропоморфные символические элементы — изображения различных животных, растений, предметов, графических символов. Каждый из них в мемориальной культуре наделяется определенными смыслами. Например, букет цветов в руках является знаком благодарности, траурный венок — символом скорби, изображение наград — символом воинской доблести.¹⁰ Использование символики обуславливается в том числе официальной политикой памяти, традиционной и массовой культурой. Например, после того как в 1969 г. приобрела широкую популярность песня «Журавли», скульптурные и художественные изображения журавлей начинают часто использоваться

⁸ Положение о почетном звании «город-герой» // Ведомости Верховного Совета СССР. 1965. № 19. Ст. 248.

⁹ См.: Азизян И. А., Иванова И. Б. Памятники вечной славы: Концепции и композиция. М., 1976. С. 14, 15.

¹⁰ См.: Конрадова Н., Рылева А. Герои и жертвы. Мемориалы Великой Отечественной // Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа. М., 2005. С. 245. О символике дореволюционных военных мемориалов см.: Агафонова В. К. Визуальные особенности военных памятников в России конца XIX — начала XX вв. // Исторический журнал: научные исследования. 2018. № 3. С. 13–23.

в мемориальном строительстве как символическое олицетворение погибших.¹¹ В то же время появившаяся почти на десятилетие раньше и также очень известная песня «Бухенвальдский набат» не привела к использованию колоколов в советских военных мемориалах 1960–1980-х гг., так как это могло вызвать нежелательные религиозные коннотации. Только в начале 1990-х гг., после отказа от официальной политики атеизма, вновь стало возможным включение в состав мемориальных комплексов культовых сооружений (церквей, часовен), фигур святых и ангелов, изображение на памятниках религиозной символики.

Начиная с 1970–1980-х гг. появилось значительное количество исследований, посвященных семиотике архитектуры. Их авторы пытаются интерпретировать (расшифровать, «прочитать») знаково-символический смысл, заложенный в том числе в мемориальных сооружениях. Однако, как справедливо отмечает Г. Н. Фигурный, несмотря на популярность такого подхода, его научная значимость в последнее время все чаще ставится под сомнение. Основная проблема связана с тем, что в архитектуре, в отличие от лингвистики, программирования или музыки, отсутствует четкий реестр используемых знаков и закреплённых за ними значений.¹² Безусловно, авторы мемориальных сооружений вкладывают символические смыслы в их форму и используемые элементы. Но уверенно интерпретировать эти смыслы можно только тогда, когда они описаны в пояснительных записках к архитектурным проектам или артикулированы в эгоистических источниках: интервью, дневниках, мемуарах.

Надписи на мемориалах играют очень значимую роль для определения их концептуального содержания, но в них часто доминирует не информационная, а нарративная составляющая, заключающаяся в расстановке определенных смысловых и эмоционально-оценочных акцентов.¹³ Поэтому мемориальные надписи очень часто содержат эмоционально окрашенные понятия и «высокие» обороты речи («вечная слава павшим героям», «беспримерный подвиг», «покрыли себя немеркнувшей славой»). Еще одной характерной особенностью подобных текстов является их репрезентативность —

способность отражать знания о прошлом и отношение к прошлому определенной социальной группы (групп) на момент создания надписи.¹⁴ Классификация мемориальных надписей возможна по времени появления (первоначальные и появившиеся в последующие периоды); по роли в общей концепции памятника (основные, дополнительные); по жанру (информационная надпись, надпись-посвящение, надпись-обращение, надпись-цитата); по используемому языку.¹⁵

Комплексное восприятие мемориального сооружения в некоторых случаях может быть дополнено и звуковым сопровождением. В послевоенный период в СССР достаточно широкое распространение получила практика создания так называемых звуковых эмблем, когда для посетителей мемориалов непрерывно или с определенной периодичностью транслировалась запись музыкального произведения. Например, для «озвучивания» Мемориала с Вечным огнем на площади Героев в Новороссийске советский композитор Д. Д. Шостакович специально написал музыкальное произведение «Новороссийские куранты», которое с 1960 г. транслируется каждый час.¹⁶ Свои звуковые эмблемы имеют мемориалы Малой земли, Мамаева кургана, Пискаревского мемориального кладбища и многие другие. Логика выбора конкретного музыкального произведения для того или иного мемориала характеризует приписываемое ему символическое значение, а также то эмоциональное состояние, в которое должны погружаться посетители.

Исследователь А. Эткинд ввел образное разделение исторической памяти на «твердую» и «мягкую», понимая под «твердой» памятью образы и символы прошлого, воплощенные в монументальной форме и благодаря этому ставшие общепризнанными, авторитетными, санкционированными властью.¹⁷ Действительно, завершённые и торжественно открытые мемориальные сооружения кажутся статичны-

¹¹ См.: Конрадова Н., Рылева А. Указ. соч. С. 247.

¹² См.: Фигурный Г. Н. Семиотика архитектуры: полвека в поисках мнимых сущностей // Архитектура и современные информационные технологии. 2019. № 4 (49). С. 57–70.

¹³ См.: Анкерсмит Ф. Нарративная логика. Семантический анализ языка историков. М., 2003. С. 29.

¹⁴ См.: Репина Л. П. Историческая память и национальная идентичность. Подходы и методы исследования // Диалог со временем. 2016. Вып. 54. С. 10–12.

¹⁵ Подробнее о мемориальных надписях см.: Попов А. Д. «Сохранить нельзя исправить»: редактирование мемориальных надписей на памятниках событиям Великой Отечественной войны в праксиологическом и этическом контекстах // Актуальные вопросы охраны и использования культурного наследия Крыма. Симферополь, 2022. С. 118–124.

¹⁶ См.: Михайлов К. Дмитрий Шостакович в Новороссийске // Исторические записки: Исследования и материалы. Краснодар, 1999. Вып. 3. С. 269–270.

¹⁷ См.: Эткинд А. Кривое горе: память о непогребённых. М., 2016. С. 221–224.

ми, стабильными, неизменными. Однако их устойчивость не следует абсолютизировать.

*«Биография» мемориального сооружения:
этапы и судьбы*

В исследовании 2005 г., посвященном созданию памятника «Тысячелетие России» в Великом Новгороде, А. В. Антощенко одним из первых в отечественных *memory studies* манифестировал важность использования не только понятийных, но и образных источников при изучении исторической памяти.¹⁸ Однако для того, чтобы достоверно реконструировать, как возникла, трансформировалась и была реализована идея создания данного мемориала, ему пришлось привлечь значительное количество архивных документов и мемуаров XIX в. Другими примерами очень подробных реконструкций историй создания конкретных мемориальных объектов на основе широкого комплекса традиционных источников являются исследования В. В. Лапина о памятнике броненосцу «Русалка» в Таллине¹⁹ и С. Палмера о памятнике-ансамбле на Мамаевом кургане в Волгограде.²⁰ В этом отношении морфология мемориального сооружения является лишь вершиной айсберга, тогда как основная информация о начальных этапах его «биографии» реконструируется с использованием материалов архивов и библиотек.

Мысль о важности «биографического» подхода к изучению памятников, заключающегося в необходимости подробной реконструкции всех этапов его жизненного пути, высказана в эссе исследователя памяти М. Габовича²¹ и до сих пор недостаточно концептуализирована. Выделим такие типичные этапы «биографии» мемориальных сооружений, большинство из которых исследователь может реконструировать только на основе письменных и визуальных (эскизы, чертежи, фотографии) источников: 1) инициатива создания, исходящая от официальных властей или представителей общественности; 2) принятие решения о создании; 3) проведение творческого конкурса(ов)

по открытой или закрытой процедуре; 4) разработка основной проектной документации; 5) процесс сооружения мемориального объекта; 6) функционирование мемориального объекта как условно завершенного «места памяти» после официального открытия, не исключающее внесения определенных незначительных изменений в его концепцию. Однако для некоторых памятников могут быть актуализованы еще два возможных этапа: 7) капитальная реконструкция, иногда даже с перенесением на новое место; 8) официальный демонтаж или несанкционированное разрушение.

Приведенные выше этапы достаточно условны, а сама «биография» памятника не является predetermined. В первые годы после смерти Сталина были приняты официальные решения и проводились творческие конкурсы на создание проектов двух крупных мемориальных сооружений, которые планировалось воздвигнуть в Москве — «Пантеона — памятника вечной славы великих людей Советской страны»²² и монумента в память 300-летия воссоединения Украины с Россией.²³ Однако в первом случае работа остановилась на стадии эскизных визуализаций и определения места сооружения, а во втором случае возле Киевского вокзала был установлен закладной камень с надписью «Здесь будет сооружен монумент в память 300-летия воссоединения Украины с Россией, 1654–1954», который продолжает находиться там и сегодня.

Известны многочисленные случаи, когда от принятия решения о создании мемориального сооружения до завершения его строительства проходили десятки лет. Решение ЦК КПСС о создании мемориального комплекса на Поклонной горе в Москве было принято в 1956 г., а открытие состоялось 39 лет спустя (9 мая 1995 г.), причем его концепция за это время претерпела кардинальные изменения.²⁴ Некоторые мемориальные объекты могли активно функционировать уже на этапе сооружения. Так, в связи со своей значимостью и статусностью памятник-ансамбль на Мамаевом кургане еще до своего официального открытия 15 октября 1967 г. неоднократно посещался советскими лидерами и главами иностранных

¹⁸ См.: Антощенко А. В. Увековечивая в бронзе: правительственный замысел памятника «Тысячелетие России» и его воплощение // Феномен прошлого. М., 2005. С. 396, 397.

¹⁹ См.: Лапин В. В. Броненосец «Русалка»: Корабль. Экипаж. Флот. Трагедия. Памятник. СПб., 2018.

²⁰ См.: Palmer S. How Memory was Made: The Construction of the Memorial to the Heroes of the Battle of Stalingrad // The Russian Review. 2009. Vol. 68, iss. 3. P. 373–407.

²¹ См.: Gabowitsch M. Soviet War Memorials: A Few Biographical Remarks // Chto Delat? 2014. № 37. P. 6–8. URL: https://chtoделat.org/b8-newspapers/37_face-to-face-with-the-monument/ (дата обращения: 25.12.2023).

²² См.: РГАНИ. Ф. 3. Оп. 22. Д. 305. Л. 1–4. В этот Пантеон в том числе предполагалось перенести из мавзолея тела Ленина и Сталина.

²³ См.: РГАЛИ. Ф. 674. Оп. 3. Д. 1945. Л. 7–8.

²⁴ См.: Памятник Победы: история сооружения Мемориального комплекса Победы на Поклонной горе в Москве: сборник документов. М., 2005. С. 67–263.

государств (Ш. де Голлем, Ф. Кастро).²⁵ С другой стороны, быстро сооруженный и уже открытый памятник мог достаточно быстро «устареть». Не совсем типичный случай произошел в Симферополе, где открытый в 1975 г. мемориал «Могила Неизвестного солдата» уже в 1985 г. был полностью перестроен и видоизменен, поскольку его первая версия была слишком скромной и вскоре к местному руководству пришло осознание несоответствия его масштабов статусу города — областного центра.²⁶

Последовательность анализа морфологических (условно — статичных, устойчивых) и «биографических» (условно — динамичных) характеристик мемориального сооружения не является определяющей — принципиальным является обязательное прохождение обоих этих исследовательских этапов с последующим синтезом полученных результатов. Также очень важным является знакомство исследователя с изучаемым мемориальным объектом *de visu* — путем натуральных полевых исследований с фото- и видеофиксацией, ведением дневника наблюдений. Только после таких посещений у него может сложиться более достоверный и целостный образ мемориала, нежели тот, что сформировался у него ранее даже при самом скрупулезном знакомстве с текстовыми описаниями и изобразительными источниками. Важная задача натуральных наблюдений — зафиксировать процессуальные аспекты взаимодействия людей с памятниками в форме коммеморативных ритуалов, а также обслуживающих, познавательных-информационных, досугово-рекреационных практик. Без систематических наблюдений *de visu* едва ли возможно достоверно установить интенсивность посещения мемориала, его включенность в общественную жизнь. Ведь, несмотря на свое физическое существование, памятники, по образному выражению М. Габовича, могут переживать периоды «упадка», «увядания», «пенсии»²⁷ или же являться лишь фоновым элементом антропогенного ландшафта.²⁸

²⁵ См.: Попов А. Д. Создание мемориального комплекса «Героям Сталинградской битвы» на Мамаевом кургане: историческая память, искусство и советская монументальная пропаганда // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2023. Т. 28, № 1. С. 216.

²⁶ См.: Брошеван В. М. Символ вечной благодарности (к истории вопроса о создании в столице Крыма мемориального комплекса с Вечным огнем) // Историческое наследие Крыма. 2005. № 9. С. 178–183.

²⁷ Gabowitsch M. Op. cit.

²⁸ О таком возможном парадоксе восприятия см.: Конрадова Н., Рылева А. Указ. соч. С. 249.

«Генеалогия» мемориальных сооружений:
акторы, стиль, эпоха,
тематическое родство

Третий содержательный компонент памятниковедческой эвристики можно условно называть «генеалогическим». Его необходимость определяется тем, что даже очень подробное знакомство с морфологией и «биографией» конкретного единичного объекта не дает ответа на многие связанные с ним вопросы, если не учитывать широкие, зачастую выходящие за пределы *memory studies* исторические контексты, а также сетевую структуру его акторного, сюжетно-тематического, конструктивного, стилевого родства с другими мемориальными сооружениями.

Специфика исторического периода влияет на содержание мемориальных процессов в самых разных проявлениях. Например, в годы поздней перестройки на фоне расширения демократизации и гласности произошло несколько резонансных публичных конфликтов, связанных со строительством крупных мемориальных комплексов. В частности, сооружаемый на мысе Хрустальный в Севастополе мемориал «Солдат и Матрос» подвергся активной и очень субъективной критике из-за своего места расположения, ориентации, неэстетичности основной двухфигурной скульптуры (якобы напоминающей «каракатицу» или «паука»). Но главными лейтмотивами критики все же являлись два других момента: 1) кулуарный и недемократичный способ принятия решений, связанных со строительством объекта, и 2) высокие финансовые затраты, которые в условиях нарастающих кризисных явлений, по мнению протестующих, целесообразно было направить на текущие социальные нужды.²⁹ В этих аспектах данная критика не имела мемориальной специфики и совпадала, например, с риторикой участников массового экологического движения против строительства в СССР новых атомных электростанций, широко развернувшегося в те же годы.

Официальная политика памяти в сфере мемориального строительства, которую называют также «монументальной политикой», в первую очередь определялась нормативно-правовыми документами, наиболее часто упоминаемым среди которых является декрет Совнаркома

²⁹ См., напр.: Заседание за «круглым столом» редакции «Славы Севастополя» // Слава Севастополя. 1988. 27 апреля; Пожениан Г. «Паук»? «Каракатица»? // Советская культура. 1988. 7 мая.

РСФСР от 12 апреля 1918 г. «О памятниках республики».³⁰ Эти документы в период своего действия создавали «рамочные» условия, которые оказывали колоссальное и не всегда позитивное влияние на идейное содержание и общие масштабы мемориального строительства в стране. Например, принятое 12 апреля 1983 г. совместное постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об устранении излишеств в расходовании государственных и общественных средств на строительство мемориальных сооружений» привело к фактической заморозке создания многих памятников на всей территории страны, независимо от их идеологического и статусного значения.³¹ Но параллельно с монументальной политикой значительное воздействие оказывали и некоторые тенденции мемориальной культуры, которые хотя и были на каком-то этапе поддержаны партийно-государственным руководством, но точно не были им инициированы. Так, только во второй половине 1950-х — первой половине 1960-х гг. в отечественном мемориальном строительстве начинают использоваться такие формы, как вечные огни и могилы неизвестного солдата, которые к тому времени уже почти полвека использовались за рубежом в странах — участницах Первой мировой войны.

Сравнительный анализ позволяет установить также стилевое и конструктивное родство мемориальных сооружений, а также проследить процесс творческой эволюции конкретных авторов, участвовавших в их создании. Большое количество проектов реализовывалось под руководством известных отечественных архитекторов и скульпторов-монументалистов, таких как Е. В. Вучетич, Б. М. Иофан, Л. Е. Кербель, В. И. Мухина, Н. В. Томский, А. В. Щусев и др. Это способствовало росту их профессионального мастерства, но приводило к тиражированию конструктивных, стилевых, символических решений, одновременно снижая шансы выиграть творческие конкурсы для начинающих и малоизвестных мастеров.³² Вопросы патрон-клиентских отношений, акторно-сетевых связей и профессиональной этики в среде российских/советских создателей мемориальных сооружений, безусловно, требуют отдельного исследо-

вания, поскольку их внутрикорпоративная «кухня» существенно влияла как на «биографии» отдельных памятников, так и на архитектурно-мемориальный ландшафт в целом.

Памятники характеризуют не только исторические эпохи, но и взгляды, убеждения, вкусы, мотивы своих создателей,³³ как правило, действующих большими коллективами. Поэтому при изучении процессов создания мемориальных сооружений очень значимыми являются определение персональных вкладов в общий процесс и реконструкция мотивационных целей (коммеморативных, политико-идеологических, финансовых, карьерных, статусных, морально-этических, эстетических) основных акторов.³⁴

При этом под создателями мемориального объекта следует понимать не только представителей творческих профессий (архитекторов, скульпторов, художников) и непосредственных участников строительства разных профессий и квалификации, но и инициаторов сооружения, «патронов» из представителей власти, исторических консультантов. В еще более широком смысле причастными к их созданию можно считать всех, кто формировал «общественный заказ» на мемориальную коммеморацию, — конкретные социальные группы (участники исторических событий, их родственники, очевидцы, представители профессионально-корпоративных, конфессиональных, национальных, территориальных объединений). Их вклад в архитектурно-монументальные процессы мог проявляться через «низовую» инициативу создания памятников, участие в обсуждении их концепций, народный сбор средств на строительство, добровольный труд при строительстве и шефскую помощь по последующему благоустройству и обслуживанию.³⁵

Только комплексные исследования мемориальных сооружений с учетом морфологических, «биографических» и «генеалогических» компонентов позволят на высоком методологическом уровне использовать их в качестве источников для исследований коллективной памяти, политики памяти и мемориальной культуры.

³⁰ См.: Gabowitsch M. Op. cit.

³¹ Пример использования метода акторно-сетевого анализа при изучении создания конкретного мемориала см.: Попов А. Д. Создание мемориального комплекса «Героям Сталинградской битвы»...

³² Подробнее о таком взаимодействии на примере мемориала Героическим защитникам Ленинграда см.: Басс В. Модернистский монумент для классического города // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2019. № 6 (128). С. 61–84.

³⁰ Подробнее о нормативно-правовых документах и других источниках по истории монументальной политики см.: Государственная монументальная политика: опыт, противоречия, перспективы / Бондарь В. В. [и др.]. М., 2022. С. 5–8.

³¹ См.: ГАРФ. Ф. Р-7523. Оп. 145. Д. 3282. Л. 1–3.

³² См., напр.: РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 16. Д. 424. Л. 18–25, 28–29, 85–89.

При анализе морфологии следует ответить на такие основные вопросы. Где расположено мемориальное сооружение? Каковы его структура и форма/формы? Как архитектурно-символические, нарративные, звуковые компоненты мемориала рассказывают о прошлом и задают рамки коммеморации?

Для реконструкции «биографий» памятников ключевыми являются вопросы: какие этапы создания и развития прошло мемориальное сооружение к текущему моменту времени? Каково основное содержание этих этапов и обстоятельств их смены в контексте общего «жизненного цикла»? На каком этапе объект находится в текущий момент и какие признаки позволяют это определить?

Наконец, «генеалогический» компонент связан с ответами на следующие вопросы. Как конкретный памятник отражает исторические условия, политико-идеологические, коммеморативные, творческие тенденции периода его создания? Какое место он занимает в ряду других мемориальных проектов, с которыми имеет тематическое, стилевое, конструктивное

родство, общих индивидуальных или групповых акторов мемориализации?

Для решения многокомпонентных задач необходимо использовать практически весь спектр исторических источников (вещественных, образительных, письменных, звуковых, поведенческих). Исследователи, занимающиеся изучением мемориальных сооружений в контексте *memory studies*, в идеале должны либо осваивать очень разнообразный набор узкоспециальных компетенций (архитектора, градостроителя, искусствоведа, культуролога, историка, лингвиста, психолога, социального антрополога), либо стремиться к формированию междисциплинарных научных коллективов. Если же ставить вопрос о выделении мемориальных сооружений в отдельный классификационный тип исторических источников, то для них будут характерны такие основные особенности: коммеморативная направленность (основной смысл объекта — отражение событий прошлого), стабильная территориальная локализация, устойчивая материальная форма, источниковедческая полифония (синтез) содержащейся информации.

Aleksey D. Popov

Candidate of Historical Sciences, V. I. Vernadsky Crimean Federal University (Russia, Simferopol)
E-mail: popalex79@mail.ru

A MEMORIAL BUILDING AS A SOURCE FOR THE HISTORY OF MEMORY: AN INTEGRATED APPROACH TO STUDYING

The article proposes an author's model for analyzing memorial structures as specific but very important sources for memory studies. On the one hand, the memorials themselves are real, pictorial, narrative, sometimes also audio sources, and observation of interaction with them provides ethnographic (socio-anthropological) information. However, this is just the tip of the iceberg, since analyzing the process of creating and functioning a memorial building in comparison with other monuments based on a wide range of traditional sources much more significantly expands our ideas about the dynamics of collective memory, official memory policy and memorial culture. Therefore, a comprehensive study of memorials is necessary, taking account of their morphology (location, structure, shape, size, architectural-symbolic, narrative, audio content), "biography" (the main stages of creation and functioning) and "genealogy" (dependence on general historical, commemorative, creative trends, as well as the relationship with other memorials through the activities of various actors). The explicit attribution of memorials to material sources in the classifications of M. N. Tikhomirov, L. N. Pushkarev, I. D. Kovalchenko and S. O. Schmidt simplifies reality and can lead to a significant decrease in the heuristic potential of their use. Debatable is the attribution of memorials to visual sources by I. M. Savelyeva and A. V. Poletaev. According to the author of the article, the complexity and multidimensionality of memorial structures as an object of study may require their separation into a separate classification type of historical sources.

Keywords: *collective memory, memory policy, commemoration, memorial conflict, monumental art, monument, historical source*

REFERENCES

- Agafonova V. K. [The Visual Features of Military Monuments in Russia of the Late 19th — Early 20th Centuries]. *Istoricheskiy zhurnal: nauchnyye issledovaniya* [History Magazine: Researches], 2018, no. 3, pp. 13–23. DOI: 10.7256/2454-0609.2018.3.26081 (in Russ.).
- Ankersmit F. *Narrativnaya logika. Semanticheskij analiz yazyka istorikov* [Narrative Logic. A Semantic Analysis of the Historian's Language]. Moscow: Idea-press Publ., 2003. (in Russ.).

- Antoshchenko A. V. [Immortalizing in Bronze: The Government Plan of the Monument to the “Millennium of Russia” and Its Implementation]. *Fenomen proshlogo* [Phenomenon of the Past]. Moscow: ID GU VShE Publ., 2005, pp. 396–418. (in Russ.).
- Azizyan I. A., Ivanova I. B. *Pamyatniki vechnoy slavy: Kontseptsii i kompozitsiya* [Monuments of Eternal Glory: Concepts and Composition]. Moscow: Stroyizdat Publ., 1976. (in Russ.).
- Bass V. [Modernist Monument for a Classical City]. *Neprikosnovennyi zapas. Debaty o politike i kul'ture* [Emergency Reserve. Debates on Politics and Culture], 2019, no. 6 (128), pp. 61–84. (in Russ.).
- Bondar V. V., Ereemeeva A. N., Markova O. N., Yureneva T. Yu. *Gosudarstvennaya monumental'naya politika: opyt, protivorechiya, perspektivy* [State Monumental Policy: Experience, Contradictions, Prospects]. Moscow: Institut Naslediya Publ., 2022. (in Russ.).
- Broshevan V. M. [A Symbol of Eternal Gratitude (On the History of the Issue of Creating a Memorial Complex with the Eternal Flame in the Capital of Crimea)]. *Istoricheskoye naslediyе Kryma* [Historical Heritage of Crimea], 2005, no. 9, pp. 178–183. (in Russ.).
- Etkind A. *Krivoeye gore: pamyat' o nepogrebennykh* [Crooked Grief: Memory of the Unburied]. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye Publ., 2016. (in Russ.).
- Figurny G. N. [Architectural Semiotics: Half a Century in Quest for Imaginary Entities]. *Arkhitektura i sovremennyye informatsionnyye tekhnologii* [Architecture and Modern Information Technologies], 2019, no. 4 (49), pp. 57–70. DOI: 10.24411/1998-4839-2019-00005 (in Russ.).
- Gabowitsch M. Soviet War Memorials: A Few Biographical Remarks. *Chto Delat'?* [What is to Be Done?], 2014, no. 37, pp. 6–8. Available at: https://chtodelat.org/b8-newspapers/37_face-to-face-with-the-monument/ (accessed: 25.12.2023). (in English).
- Konradova N., Ryleva A. [Heroes and Victims. Memorials of the Great Patriotic War]. *Pamyat' o voyne 60 let spustya: Rossiya, Germaniya, Evropa* [Memory of the War 60 Years Later: Russia, Germany, Europe]. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye Publ., 2005, pp. 241–261. (in Russ.).
- Lapin V. V. *Bronenosets “Rusalka”: Korabl'. Ekipazh. Flot. Tragediya. Pamyatnik* [Battleship “Rusalka”: Ship. Crew. Fleet. Tragedy. Monument]. Saint Petersburg: Izd-vo Evropeyskogo un-ta v Sankt-Peterburge Publ., 2018. (in Russ.).
- Leontieva O. B. [“Memorial Turn” in the Contemporary Russian Historical Studies]. *Dialog so vremenem* [Dialogue with Time], 2015, iss. 50, pp. 59–96. (in Russ.).
- Mikhailov K. [Dmitry Shostakovich in Novorossiysk]. *Istoricheskiye zapiski: Issledovaniya i materialy* [Historical Notes: Research and Materials]. Krasnodar: Severnyy Kavkaz Publ., 1999, iss. 3, pp. 268–278. (in Russ.).
- Palmer S. How Memory Was Made: The Construction of the Memorial to the Heroes of the Battle of Stalingrad. *The Russian Review*, 2009, vol. 68, iss. 3, pp. 373–407. (in English).
- Popov A. D. [“Save Cannot Be Corrected”: Editing Memorial Inscriptions on Monuments to the Events of the Great Patriotic War in Praxeological and Ethical Contexts]. *Aktual'nyye voprosy okhrany i ispol'zovaniya kul'turnogo naslediya Kryma* [Current Issues of Protection and Use of the Cultural Heritage of Crimea]. Simferopol: IT “ARIAL” Publ., 2022, pp. 118–124. (in Russ.).
- Popov A. D. [Creation of the Memorial Complex for the Heroes of the Battle of Stalingrad on Mamaev Kurgan: Historical Memory, Art and Soviet Monumental Propaganda]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istorija. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2023, vol. 28, no. 1, pp. 209–221. DOI: 10.15688/jvolsu4.2023.1.19 (in Russ.).
- Popov A. D., Romanko O. V. [Monuments of the Great Patriotic War during the Late Soviet Period: Variety of Social Functions and Practices]. *Uchenyye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Proceedings of Petrozavodsk State University], 2019, no. 2 (179), pp. 55–62. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.288 (in Russ.).
- Repina L. P. [Historical Memory and National Identity: Approaches and Research Methods]. *Dialog so vremenem* [Dialogue with Time], 2016, iss. 54, pp. 9–15. (in Russ.).
- Rusina Yu. A. *Metodologiya istochnikovedeniya: uchebnoye posobiye* [Methodology of Source Study: Textbook]. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta Publ., 2015. (in Russ.).
- Savelyeva I. M., Poletaev A. V. *Teoriya istoricheskogo znaniya: uchebnoye posobiye* [Theory of Historical Knowledge: Textbook]. Saint Petersburg: Aleteyya Publ., 2007. (in Russ.).

Для цитирования: Попов А. Д. Мемориальное сооружение как источник по истории памяти: комплексный подход к изучению // Уральский исторический вестник. 2024. № 3 (84). С. 98–106. DOI: 10.30759/1728-9718-2024-3(84)-98-106.

For citation: Popov A. D. A Memorial Building as a Source for the History of Memory: An Integrated Approach to Studying // Ural Historical Journal, 2024, no. 3 (84), pp. 98–106. DOI: 10.30759/1728-9718-2024-3(84)-98-106.